

Title	Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике
Author(s)	Ким, Хён Ён
Description	Research Note
Citation	Acta Slavica Iaponica, 21, 202-213
Issue Date	2004
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39437
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI21_009.pdf

Research Note

ТЕОРИЯ МЕТАТЕКСТА И ФОРМЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОЭТИКЕ

КИМ ХЁН ЁН

Несмотря на то, что термин «метатекст» в последние десятилетия широко используется в лингвистике, семиотике, литературоведении и культурологии, до сих пор не существует его четкого научного определения как *литературоведческого* термина. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо разграничить различные толкования этого термина в современной гуманитарной науке – в лингвистике, семиотике и литературоведении. В частности, в нашей работе рассматривается один из наиболее существенных этапов развития русской теории метатекста: взаимодействие наследия М.М. Бахтина с теоретическими исследованиями Ю.М. Лотмана и московско-тартуской семиотической школы.

1. РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «МЕТАТЕКСТ»

1) *Лингвистический аспект*

Понятие «метатекст» вошло в научный обиход не так давно. Оно стало широко использоваться в лингвистике после появления статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978). Авторский монологический текст рассматривался ею как своего рода «двутекст», состоящий из высказывания о предмете и высказывания о самом высказывании.¹ По ее определению, «метатекст» – это в основном вводные слова и обороты с семантическим элементом «говорить»,² а его функция заключается в том, чтобы прояснить ««семантический узор» основного текста».³ Иными словами, метатекстом, по мнению Вежбицкой, являются высказывания о текущей речи в этой же речевой ситуации.

После работы А. Вежбицкой это понятие в лингвистике разрабатывалось в разных направлениях. Одни ученые – например, Т. Андрищенко, Е. Падучева – шли путем как расширения, так и сужения его экстенционала. Другие (Н. Рябцева, В. Шаймиев) разрабатывали данное понятие путем определения существенных признаков метатекста как особого текстового явления.

Рассмотрим кратко, к каким результатам пришли оба эти направления. Т. Андрищенко понимает метатекст как совокупность «специфических языковых средств, от-

ражающих разные приемы переработки информации».⁴ Е. Падучева в своей работе «Семантические исследования» выделяет среди эгоцентрических элементов речи, в которых говорящий выступает в роли субъекта речи и сознания (в том числе восприятия), собственно «метаповествовательные элементы». Как пишет исследовательница, «метатекстовые выражения, поскольку их толкование включает глагол “говорить”, по своей семантике предполагают говорящий субъект».⁵

По мнению Н. Рябцевой, «метатекст – это своего рода коммуникативный “дейксис”, указывающий на тему сообщения, организацию текста, его структурированность и связность ... Метатекст эксплицирует информационные действия говорящего в изложении содержания».⁶ В. Шаймиев определяет метатекст следующим образом: «Прагматикоситуативное речевое образование, отражающее и обслуживающее конкретные ситуации развертывания (порождения), комментирования (интерпретации) и/или восприятия конкретно-определенного основного текста (текста-объекта)».⁷

Точка зрения В. Шаймиева нам кажется наиболее продуктивной применительно к литературоведческим проблемам. На наш взгляд, самым характерным признаком метатекста является его ориентация на конкретную речевую ситуацию создания и/или восприятия конкретного текста. При таком подходе метатекст можно определить как вторичный текст с вербализованным прагматическим содержанием, объектом которого всегда становится некий вполне определенный текст.⁸

В числе многочисленных теоретических разработок А. Вежбицкой есть такие, которые представляются нам фундаментальными при литературоведческом анализе метатекстуальных явлений. Для филологического анализа текста особенно важно следующее теоретическое положение этой исследовательницы: «Представляется, что количественный и качественный “вклад” метатекста в текст является одним из существенных показателей стилистических различий».⁹ В то же время необходимо отметить различие точек зрения лингвистов и литературове-

дов на понятие «метатекст». «По своей природе, – отмечает та же Вежбицкая, – двутекст не может быть текстом связным: при составлении семантической записи не только можно, но и *нужно* разделить эти гетерогенные компоненты».¹⁰ Это высказывание отражает чисто лингвистический взгляд на интересующее нас явление. Однако поэтический метатекст является именно связным текстом – в нем гетерогенные компоненты, сохраняя свою природу, создают некое «нелинейное» целое.

2) Семиотический аспект

Понятие метатекстуальности является предметом изучения не только лингвистики, но и семиотики и рассматривается в целом ряде работ такого рода. Особого внимания прежде всего заслуживают работы представителей московско-тартуской семиотической школы. Основные из них были опубликованы в легендарных сборниках Тартуского университета «Труды по знаковым системам». Особенно важен XIV-й выпуск этого сборника – «Текст в тексте», который целиком посвящен интересующим нас явлениям. В этом сборнике представителей московско-тартуской семиотической школы интересуют два аспекта проблемы «текст в тексте»: метатекстуальность и интертекстуальность.

Ю. Лотман в статье «Текст в тексте» определяет одноименное понятие как «специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста».¹¹ Обозначая «текст в тексте» как «переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую на каком-то внутреннем структурном рубеже»,¹² Ю. Лотман в большей степени сосредоточивается на проблеме интертекста.

В статье «Фильм в фильме» Вяч. Вс. Иванов определяет предмет своего исследования как «метамодели», имея при этом в виду, что «они посвящены собственно построению или созданию фильмов. В более широком смысле все они входят в категорию кинопредставления внутри кинопредставления».¹³ Автор статьи выделяет три вида «фильма в фильме»: 1) фильм, тема которого – создание фильма; 2) фильм внутри фильма и 3) представление внутри кинопредставления. Можно сказать, что вторая группа приобретает характер интертекстуальности, а первая и третья – метатекстуальности. Этой же теме посвящена более ранняя

статья того же исследователя «Функции и категории языка кино». Здесь Иванов акцентирует внимание на исследовании самих средств киноязыка. По его мнению, процесс создания фильма, место человека с киноаппаратом, отношение между киноглазом и объектом, монтаж фильма «стали едва ли не главной его темой, определив во многом его композицию».¹⁴

«Проблема интекста» является еще одной заслуживающей внимания статьей сборника. Вслед за А. Поповичем¹⁵ ее автор П. Тороп понимает «метатекст» как «интерсемиотическое изучение отдельных специфических языков искусства» и предлагает считать любой акт соотношения текстовых элементов метакоммуникацией. В ходе этого процесса создаются метатексты, то есть первичный текст выступает в качестве прототекста, на основе которого создается новый текст. П. Тороп определяет этот термин следующим образом: «Текст, представленный какой-то своей частью в другом тексте, становится тем самым описывающим текстом», то есть «метатекстом».¹⁶

В целом следует отметить, что семиотика понимает литературу как систему знаков. С ее помощью «отправитель» передает «сообщение» «получателю», который декодирует его посредством соответствующего кода. Код – это техническое средство, служащее целям хранения и передачи информации.

Рассматривая понятие «метатекст» под этим углом зрения, важно обратить внимание на то, как Ю. Лотман определяет термин «метаязык»: «Метаязыки – языки, использованные для описания естественных и искусственных языков; к ним относятся искусственно создаваемые языки науки».¹⁷ Иными словами, метаязык – это второй язык, служащий для описания первого, используемый для того, чтобы задать код для понимания текста. Таким образом, для семиотики метатекст является кодом, с помощью которого расшифровывается первый язык. В этом заключается наиболее существенное различие в понимании метатекста семиотикой и литературоведением.

3) Литературоведческий аспект

Теперь рассмотрим разные интерпретации понятия «метатекст», предложенные литературоведами.

Первые попытки теоретического осмысления явлений, близких к современному пониманию метатекстуальности, относятся к началу XIX-го века. Теоретик немецкого романтизма Фр. Шлегель впервые предложил термин «поэзия поэзии» (*Die Poesie der*

Poesie)». Он употреблял данное словосочетание, характеризуя «трансцендентальную поэзию».¹⁸ Интересно отметить, что термин Шлегеля был подхвачен В.М. Жирмунским, который использует его при анализе поэзии О. Мандельштама и объясняет его следующим образом: «Пользуясь терминологией Фр. Шлегеля, можно назвать его (О. Мандельштама. – Х.Э.К.) стихи не поэзией жизни, а поэзией поэзии («Die Poesie der Poesie»), то есть поэзией, имеющей своим предметом не жизнь, непосредственно воспринятую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни».¹⁹

Проблема метапоэзии весьма актуальна для современного западного литературоведения. В качестве примера остановимся на двух немецких работах, затрагивающих данный вопрос. Первая из них принадлежит Армину Паулю Франку (Armin Paul Frank) и называется «Theorie im Gedicht und Theorie als Gedicht».²⁰ В ней автор предлагает термин «поэтологическое стихотворение», обозначающий стихотворение о стихотворении или о поэзии вообще. Исследователь выделяет два типа «поэтологических стихотворений». К первому относится «поэтика в стихах (Theorie im Gedicht)», которая в самой себе содержит теорию творчества, то есть говорит о том, как писать стихи. Такие тексты, по мнению Франка, поддаются прозаическому пересказу. Второй тип – «поэтика как стихи (Theorie als Gedicht)» – включает в себя «подражательные» стихотворения, содержание которых предстает как сам процесс создания текста. Их пересказать в прозе нельзя, поскольку форма здесь передает содержание. Можно сказать, что этот тип соответствует «внутренней форме» Г. Винокура и одному из типов «автометаописания» Р. Тименчика («смысловая связь между разными уровнями»). Более подробно теоретические воззрения обоих последних ученых на проблему метатекстуальности будут рассмотрены ниже.

Работа Е. Müller-Zettelmann «Lyrik und Metalyrik» посвящена метатекстуальности именно в лирике. Исследовательница определяет «металирику» как «эстетически автореференциальный метадискурс, принадлежащий к тому лирическому жанру, который ориентирован не на внешнюю по отношению к речи, иначе говоря, к литературе, действительность, а на такую реальность, которая вобрала литературу, другими словами, впитала “вещество” лирического жанра в каждую клеточку своего сюжета».²¹ Коротко говоря, «металирика» это – «лирическое самоотражение через тематику». При та-

ком понимании явления «металирические элементы являются исключительно частью фикциональных дискурсов».²² Поэтому «нефикциональные метатексты (например, автоинтерпретации или оправдательные комментарии) не принадлежат к корпусу металирики».²³

Вопросы метатекстуальности привлекают внимание и российских литературоведов. Рассмотрим ряд работ по этой тематике, которые кажутся нам наиболее важными в контексте данного исследования.

В статье Р. Тименчика «Текст в тексте у акмеистов» выявляются и исследуются причины обращения акмеистов к метатексту: 1) установка текста на самопознание; 2) поиски мотивировки права на существование; 3) привлечение аргументов поэтической «правоты» через ссылку на прецеденты и 4) рефлексия над собственными генетическими и типологическими параметрами.²⁴ Характеризуя текст у акмеистов, этот исследователь определяет «текст в тексте» следующим образом: «Текст у акмеистов есть одновременно повествование о событиях и повествование о повествовании в сопоставлении с другими текстами, т.е. сбалансированное соотношение собственно текстового, метатекстового и “цитатного” аспектов».²⁵

Однако центральной для нашего исследования метатекстуальности является другая статья Р. Тименчика, написанная несколько позже, – «Автометаописание у Ахматовой». В этой работе он предлагает новый термин «автометаописание», определяя его как «присутствие в самом стихотворном тексте смысловой мотивировки “сведения мысли” “именно к данному числу слогов” и – шире – подчеркнутую в тексте смысловую связь между разными уровнями».²⁶ Как пример «автометаописания» Тименчик приводит связь нормы и отклонения от нормы с распределением метрических форм, связь между тематикой и ритмикой, связь между темой и графикой (например, лесенка). Кроме того, введение «чужого слова» и «многоголосия» тоже «сравнительно рано становится предметом автометаописания».²⁷ Стихотворение, насыщенное цитатами или развивающее тему, заданную цитатой, равно как и введение эпитета, достаточно необычного для лирического стихотворения, также, по мнению Тименчика, можно считать «автометаописаниями». Таким образом, Р. Тименчик понимает «текст в тексте» и «автометаописание» синкретически, включая в него не только метатекст, но и интертекст.

Еще один исследователь, которого необ-

ходимо здесь упомянуть – это Т. Цивьян. В статье «О метапоэтическом в “Поэме без героя”» она использует термин «метапоэтическое», который определяется ею как «“поэма в поэме” и “поэма о поэме”, произведение, рассказывающее о своем собственном происхождении».²⁸ По ее мнению, «к авторскому описанию относятся и примечания автора, письма, стихотворения, обращенные к Поэме, стихотворения о Поэме».²⁹

Если для лингвистики метатекст – это двутекст, состоящий из гетерогенных компонентов, а для семиотики – код, расшифровывающий первичный язык, то в литературоведении под метатекстом понимают текст, обращенный не только к предмету, но и к авторскому слову о нем. В отличие от обычного двуголосового слова, в метавысказывании эстетическая граница разделяет не автора и героя, а первичного автора и «образ автора». Благодаря метатексту, первичный автор превращает создателя произведения в собственный образ. В лирике особенно важен специфический тип метатекста – высказывания, в которых форма является носителем обыгранной смысловой связи между разными уровнями художественного целого (или, если использовать термин Р. Тименчика, становится «автометаописательной»).

2. МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ТРАКТОВКЕ М.М. БАХТИНА И Ю.М. ЛОТМАНА

В русском литературоведении теория метатекста развивалась в основном в рамках структурно-семиотического направления, одним из признанных лидеров которого был Ю.М. Лотман. Но с пониманием феномена, предложенным этой школой, вступил в продуктивный диалог М.М. Бахтин. Сопоставление того, как понимался метатекст этими двумя учеными, способно многое прояснить в природе интересующего нас явления и поможет избежать односторонних представлений о нем. Особенно важно, что диалог Лотмана и Бахтина проходил на материале конкретного и образцового для русской литературы произведения – романа «Евгений Онегин».

1) *Метатекстуальность у Ю.М. Лотмана*

Обратимся еще раз к статье Ю. Лотмана «Текст в тексте». Хотя здесь он и не употребляет сам термин «метатекст», в его высказываниях о свойстве текста мы можем отметить тяготение к метатекстуальности как особенности текста. Поясняя одну из функций текста, Ю. Лотман пишет: «Функ-

ция адекватной передачи значений выполняется наилучшим образом при наиболее полном совпадении кодов говорящего и слушающего, при максимальной однозначности текста. Идеальным предельным механизмом для такой операции будет искусственный язык и текст на искусственном языке. *Тяготение к стандартизации, порождающее искусственный язык, и стремление к самоописанию, создающее метаязыковые конструкции, не являются внешними по отношению к языковому и культурному механизму. Ни одна культура не может функционировать без метатекстов и текстов на искусственных языках.* Поскольку именно эта сторона текста наиболее легко моделируется с помощью имеющихся в нашем распоряжении средств, этот аспект текста оказался наиболее заметным. Он сделался объектом изучения, порою отождествляясь с текстом как таковым и заслоняя другие аспекты»³⁰ (Курсив наш. – Х.Ё.К.).

Итак, стремление к метатекстуальности, по Лотману, является имманентным свойством текста. И во всех своих дальнейших исследованиях метатекстуальности он будет исходить из этой общей посылки.

Непосредственно к термину «метатекст» Ю. Лотман обращается при анализе «Евгения Онегина». В работе «Роман в стихах Пушкина “Евгений Онегин”» из трех типов «чужой речи» ученый выделяет «авторское повествование об авторском повествовании» и называет его «метаструктурным пластом», который «решительно меняет функцию авторского повествования».³¹ Он пишет: «*Метатекстовый пласт – пласт, в котором объектом изображения становится само литературное изображение*»³² (Курсив наш. – Х.Ё.К.).

В свете интересующей нас проблематики важно отметить, что Ю. Лотман связывает метаповествование с проблемой «литературности» и «нелитературности». Метатекст, по его словам, служит Пушкину для «отталкивания от любых форм литературности».³³ При создании «Евгения Онегина» Пушкин ставил своей целью создать литературное произведение, «которое, преодолев литературность, воспринималось бы как сама внелитературная реальность, не переставая при этом быть литературой».³⁴ Чтобы произведение оставалось «внелитературной реальностью», Пушкин «сознательно избегал норм и правил, обязательных не только для романа, но и вообще для всего, что могло бы быть определено как литературный текст».³⁵ Например, «широко включая в

текст метатекстовые рассуждения о правилах построения текста, Пушкин знакомит нас с многочисленными дорогами, по которым, тем не менее, он не ведет свое повествование. Он перечисляет ряд типов и способов создания романских персонажей, но делает это для того, чтобы уклониться от них». ³⁶ Этот аспект проблемы метатекстуальности – различные возможные варианты развития повествования – Ю. Лотман подробно анализирует и в статье «Динамическая модель семиотической системы». «В ходе такого описания, – пишет он, – возрастает упорядоченность текста и понижается его информативность. Поэтому представляют собой интерес многообразные случаи, когда текст в принципе не заключает в себе однозначной последовательности элементов, оставляя читателю свободу выбора. В этом случае автор как бы перемещает читателя (а также определенную часть собственного текста) на более высокий уровень. С высоты такой метапозиции раскрывается мера условности остального текста, то есть он предстает именно как текст, а не в качестве иллюзии реальности». ³⁷

Обилие метаструктурных элементов в тексте «Евгения Онегина» постоянно напоминает читателю в процессе чтения, что он имеет дело с литературным текстом. Однако стоит нам, выйдя за пределы внутренней по отношению к тексту позиции, взглянуть на него в свете оппозиции «литература – действительность», чтобы с известной долей изумления обнаружить, что «Онегин» вырывается из чисто литературного ряда в мир реальности. ³⁸ Таким образом, все метатекстуальные элементы в пушкинском романе, с одной стороны, глубоко связаны с современным поэту литературным контекстом, а с другой – призваны обеспечить связь его романа с внелитературной реальностью.

2) *Метатекстуальность у М.М. Бахтина*

Обратимся теперь к взглядам на метатекстуальность М. Бахтина. Несмотря на то, что в своих многочисленных работах этот ученый не использовал термин «метатекст», ряд его высказываний позволяет говорить о его интересе к проблемам, которые могут быть определены именно как метатекстуальные. В бахтинской теории семиотическому понятию «текст в тексте» соответствует понятие «чужая речь». В книге «Марксизм и философия языка» он определяет термин «чужая речь» как «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это речь о речи, высказывание о выска-

зывании». ³⁹ Особенности стиля «Евгения Онегина» Бахтин объясняет именно через категорию «чужая речь».

В статье «Из предыстории романного слова», анализируя стихи Ленского из второй главы «Евгения Онегина», Бахтин пишет, что содержание «песни» Ленского нельзя понимать как «непосредственные поэтические образы самого Пушкина», а она «сама себя характеризует, на своем языке, в своей поэтической манере». ⁴⁰ Это уже другой голос, отличный от голоса автора: «Перед нами действительно **образ** песни Ленского, но не поэтический в узком смысле, а типично **романный** образ: это образ чужого языка, в данном случае образ чужого поэтического стиля (сентиментально-романтического). Поэтические же метафоры этих строк («как сон младенца, как луна» и др.) вовсе не являются здесь первичными **средствами изображения** (какими они были бы в прямой серьезной песне самого Ленского); они сами становятся здесь **предметом изображения**, именно – пародийно-стилизующего изображения. Этот романный образ чужого стиля (с входящими в него прямыми метафорами) в системе прямой авторской речи (которую мы постулируем) **взяты в интонационные кавычки**, именно – пародийно-иронические». ⁴¹

Кроме «песни» Ленского М. Бахтин приводит и другой пример. Он обращается к авторскому высказыванию, которое «бросает легкую объективную тень» ⁴² на предыдущие сентенции, иными словами – к авторской речи, построенной «в районе действия онегинского голоса, в онегинском стиле». ⁴³ Такие образы, «будучи предметом изображения, в то же время и сами изображают, точнее, выражают авторскую мысль». Иными словами, автор вступает в диалогические отношения с языком Онегина. ⁴⁴

Можно сказать, что слово, которое для героя является способом изображения, для первичного автора составляет еще и предмет изображения. Поэтому слово начинает обращаться на себя, разыгрывать себя, становиться стилистически трехмерным, то есть включающим в себя: 1) предмет; 2) его отражение и 3) отражение этого отражения, или образ образа. По словам М. Бахтина, «все эти языки со всеми их прямыми изобразительными средствами становятся здесь предметом изображения». ⁴⁵ С нашей точки зрения, это высказывание соответствует лотмановскому определению «метатекстового пласта», «в котором объектом изображения становится само литературное изображение». ⁴⁶

Такого рода стилистическую трехмерность слова, по словам Бахтина, мы можем увидеть не только в «Евгении Онегине», но и во всех романах вообще: «Всякий роман в большей или меньшей мере есть диалогизованная система образов “языков”, стилей, конкретных и неотделимых от языка сознаний. Язык в романе не только изображает, но и сам служит предметом изображения. Романное слово всегда самокритично».⁴⁷ Таким образом, именно это подчеркивание «самокритичного характера» романного слова, его стилистической трехмерности можно рассматривать как аналогию метатекстуальности в теории Бахтина.

Напомним, что при рассмотрении понятия «текст» у Лотмана мы обнаружили, что стремление к метатекстуальности является имманентным свойством текста. У М. Бахтина же не текст, а именно слово приобретает метатекстуальный характер.

В книге «Проблема поэтики Достоевского» М. Бахтин пишет о важности изобразительных и выразительных функций слова, умения объективно воссоздавать социальное и индивидуальное своеобразие *речи персонажей*. Но, по его мнению, для Достоевского важнее всего было «диалогическое взаимодействие речей», потому что «главным предметом его изображения является само слово, притом именно полнозначное слово. Произведение Достоевского – это слово о слове, обращенное к слову»⁴⁸ (Курсив наш. – Х.Ё.К.).

В другом месте Бахтин снова высказывает это же суждение. По его определению, герой художественного произведения – это «носитель полноценного слова», так как «замысел автора о герое – замысел о слове» и, следовательно, «слово автора о герое» является «словом о слове».⁴⁹ Такая обращенность слова на самое себя перекликается с понятием «рефлексивность поэтического слова», введенным Г.О. Винокуром.⁵⁰ В статье «Понятие поэтического языка» Винокур пишет, что мы имеем дело с поэтическим языком тогда, «когда самое отношение между языком и поэзией мыслится [...] как свое законное **тождество**», так что **язык и есть сам по себе поэзия**.⁵¹ Но Бахтин, в отличие от Винокура, делает акцент на диалогическом характере романного слова: слово автора о герое «ориентировано на героя как на слово и потому **диалогически** обращено к нему».⁵² Таким образом, рассматривая теорию романного диалогизма Бахтина, мы можем с полным основанием говорить об элементах метатекстуальности в ней.

3) М.М. Бахтин и Ю.М. Лотман: проблема взаимовлияния

Ряд теоретических положений бахтинской теории «чужой речи» определенным образом перекликается с лотмановской теорией метатекстуальности. Поэтому нам представляется необходимым сравнить воззрения этих двух ученых на данный вопрос.

Интересно отметить, что бахтинская «чужая речь» в «Евгении Онегине», которая приобретает характер метатекстуальности, интерпретируется Ю. Лотманом как «перекодировка». В статье «О проблеме значений во вторичных моделирующих системах» Лотман пишет: «Так, Пушкин, уже смотрящий на романтическую структуру глазами реалиста, стремился раскрыть значение романтической системы стиля, перекодировав его в иной стилистический регистр».⁵³ В другом месте работы он повторяет эту же мысль: «Следующий этап в усложнении точки зрения повествования ярко представлен в “Евгении Онегине”. Вместо нескольких персонажей, рассказывающих с разных позиций об одном и том же, [...] появляется автор, который, оперируя разными стилями как замкнутыми, наделенными фиксированной точкой зрения системами, излагает одно и то же содержание с нескольких стилистических позиций».⁵⁴

М. Бахтин оспаривает эту идею Ю. Лотмана и подчеркивает свое несогласие с ним. В противовес семиотическому термину «код» Бахтин выдвигает понятие диалога. Он пишет: «Понимание многостильности «Евгения Онегина» и др. (см. у Лотмана) как перекодирования (романтизма на реализм и др.) приводит к выпадению самого важного диалогического момента и к превращению диалога стилей в простое сосуществование разных версий одного и того же. За стилем – цельная точка зрения цельной личности. Код предполагает какую-то готовность содержания и осуществленность выбора между данными кодами».⁵⁵

Как известно, сам М. Бахтин критически относился к ряду понятий семиотики и, прежде всего, к понятию кода: «Семиотика занята преимущественно передачей готового сообщения с помощью готового кода, – отмечал он. – В живой же речи сообщение, строго говоря, впервые создается в процессе передачи, и никакого кода, в сущности, нет».⁵⁶ Таким образом, понятие «кода», по М. Бахтину, слишком механистично, а потому не может быть адекватным выражением эстетических отношений. В этом смысле структуралисты наследуют идеи формалистов, против которых Бахтин выступал

еще в 1920-е годы. Как отмечает Б. Егоров, «и у структуралистов он видит имманентное “замыкание в текст”, “механические категории”, “деперсонализацию” и т.д.». ⁵⁷ В статье «К методологии гуманитарных наук» Бахтин недвусмысленно формулирует свое критическое отношение и к формализму, и к структурализму. ⁵⁸

Однако во второй половине 1970-х гг. советская семиотика, включая и самого Ю. Лотмана, испытала сильное влияние идей М. Бахтина ⁵⁹ и начала использовать его термин «чужая речь». В работе «Чужая речь в “Евгении Онегине”» (1975) Ю. Лотман, высоко оценивая бахтинское понятие «чужой речи», пишет: «Проблема “чужого слова” как особой категории стилистики романа была поставлена в трудах М.М. Бахтина. Указав, что поэтическое слово тяготеет к монолизму, М. Бахтин определяет сущность слова в романе как принципиальную ориентацию его на “чужую речь”». ⁶⁰

Однако Ю. Лотман требует «иных интерпретаций» данного понятия: «Тип художественного повествования “Евгения Онегина” – одна из основных новаторских особенностей романа. Сложное переплетение форм “чужой” и авторской речи лишь в самом грубом виде характеризует конструкцию стиля романа. На самом деле перед нами значительно более сложная и богатая нюансами организация». ⁶¹ Очевидно, что Ю. Лотман использует термин «чужая речь» по-своему и помещая в контексты, отличные от бахтинских. Рассмотрим подробнее, как он трактует это понятие.

В данном аспекте Лотман контаминирует концепции В. Виноградова и М. Бахтина. Говоря о многообразных формах «чужой речи», он пишет: «В.В. Виноградов отмечал, что иностилистические куски погружены у Пушкина в стихию авторской речи. “Чужая речь” существует в пушкинском рассказе не как таковая, автономно и независимо, а в качестве окрашивающих элементов повествования. “Онегин” диалогичен или даже полилогичен. Однако это полилог, пересказанный в авторском монологе (Курсив наш. – Х.Ё.К.). Поэтому текст “Онегина” как таковой может восприниматься и как многоголосие – при таком подходе будут активизироваться признаки, характеризующие текст как контрапунктное столкновение многообразных форм “чужой” речи – и как авторский монолог, в который “чужие голоса” входят как показатели ширины диапазона голоса повествователя». ⁶²

Перед нами уже семиотическая интерпретация бахтинской «полифонии». Об этом

подробно говорится в комментарии к шестому тому собрания сочинений М. Бахтина: «В как бы бахтинской версии “многоголосия”, изложенной Лотманом, нет ядра бахтинской идеи – диалога (об отсутствии которого в позиции Лотмана говорится и в комментируемом фрагменте записей). Вместо бахтинского диалогического контрапункта Лотман пишет о таком “контрапункте” голосов, который организуется и, фактически, “поглощается” авторским монологом». ⁶³

К тому же в статье «Бахтин – его наследие и актуальные проблемы семиотики», ⁶⁴ выражающей отношение позднего Лотмана к Бахтину, тартуский ученый называет понятие Бахтина о диалоге несколько неопределенным и иногда даже метафоричным. ⁶⁵ Лотман пробует определить термин «диалог» по-своему, то есть с точки зрения семиотики. По его определению, диалог – это «механизм переработки новой информации, которая еще не существует до диалогического контакта». ⁶⁶ Такое определение диалога, по выражению Б. Егорова, «как бы прямо вытекает из постулата динамичности (процесс создания нового) и, в свою очередь, порождает динамичность». ⁶⁷ Но это не совсем так. Ни «механизм», ни «информация» не являются словами бахтинского языка. Хотя поздний Лотман в чем-то приблизился к бахтинскому пониманию диалога, ⁶⁸ его подход в целом остался семиотическим, то есть он пытается превратить бахтинское понятие «чужой речи» в строго научное понятие «кода».

В то же время необходимо отметить, что, хотя М. Бахтин критически относился к семиотике и структурализму, было бы неверно игнорировать их влияние на бахтинскую концепцию. Обратимся к использованию Бахтиным слова «метаязык». В «Рабочих записях 60-х – начала 70-х годов» он пишет: «Встреча двух сознаний в процессе понимания и изучения высказывания. Персоналистичность отношений между высказываниями. Определение высказывания и его границ. Второе сознание и метаязык. Метаязык не просто код, – он всегда диалогически относится к тому языку, который он описывает и анализирует» ⁶⁹ (Курсив наш. – Х.Ё.К.).

Здесь важно то, что Бахтин ставит рядом понятия «второе сознание» и «метаязык». Как указывают авторы комментария к цитируемому изданию, «второе сознание» – «характерная бахтинская категория, определяющая его понимание философских основ гуманитарных наук», а «метаязык» – «базовая категория семиотики, определяю-

шая понимание методологии гуманитарного сознания в структурализме». ⁷⁰ Методологически эти два понятия в гуманитарной науке аналогичны, а функционально и содержательно – противоположны. «Второе сознание» – «сознание исследователя», которое не должно «овеществлять (объективировать) свой предмет, поскольку этот предмет всегда тоже есть либо прямо другое (чужое) сознание, либо его та или иная знаковая, прежде всего языковая, эманация». ⁷¹ Это элемент бахтинской теории, основанной на понятии диалога, «метаязык» же является термином семиотики. В этой научной сфере «метаязык» – «язык, выработанный для исследования описания другого языка (языка-объекта)». Другими словами, это лишь один из типов семиотического кода.

Следует подчеркнуть, что здесь Бахтин использует понятие «метаязык» по-своему, обращаясь с ним так же, как Лотман обращался с бахтинским понятием «чужая речь». Ученый утверждает, что «метаязык не просто код» и его главная особенность – динамическое отношение к тому языку, который он описывает и анализирует. Это уже не семиотическая интерпретация «метаязыка», но собственно бахтинское понимание его. Таким образом, М. Бахтин предлагает ввести в семиотическое понятие «метаязык» «принципиально не включаемый в него компонент (отсутствующую у “просто” кода способность вступать в содержательные и диалогические отношения с объектом описания), как бы “отспаривая” термин в собственное владение». ⁷² Как отмечают комментаторы, «данная фраза – гибридная формулировка, сближающая семиотический термин “метаязык” с бахтинской “металингвистикой”». ⁷³

«Металингвистика» – это новый тип гуманитарной науки, предложенный М. Бахтиным. В статье «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» он пишет, что характер «мета» – это сам образ существования гуманитарной науки: «Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о слове, тексты о текстах. В этом основа отличия наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе)». ⁷⁴ По мнению Бахтина, такие диалогические отношения не могут быть объяснены описательной и абстрактной лингвистикой, ⁷⁵ так как «лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением». ⁷⁶ И потому М. Бахтин называет новый тип гуманитарной науки «металингвистикой», которая изучает «слово не в системе языка и не в изъятом из

диалогического общения “тексте”, а именно в самой сфере диалогического общения, то есть в сфере подлинной жизни слова». ⁷⁷ Иными словами, «металингвистика» у Бахтина, в отличие от традиционной лингвистики, которая изучает отдельные элементы внутри предложения или его структуру в целом, ⁷⁸ является наукой, исследующей диалогические отношения между высказываниями: «Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову) – предмет металингвистики». ⁷⁹

Мы уделили такое большое внимание рассмотрению бахтинской теории металингвистики, потому что для нас очень важно, что Бахтин использует здесь понятие «мета». Он говорит о взаимном и диалогическом отношениях между субъектами, о переходе от одного к другому. Одним словом, «мета» у Бахтина имеет саморефлексивный характер при описании взаимоотношений с чужим словом. Таким образом, можно сказать, что М. Бахтин и Ю. Лотман в некоторой степени испытали влияние друг друга и, главное, что в процессе этого влияния они сформировали собственные теории метатекста.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в настоящий момент существуют два основных подхода к пониманию метатекста, которые нельзя примирить и свести к общему знаменателю. Первый восходит к термину «метаязык» в семиотике, которая понимает метатекст как код. Эта линия развивается в лингвистике, структурализме и постструктурализме. ⁸⁰ Второй подход основан на теории М. Бахтина, который рассматривал метатекст в рамках своей теории диалога. Данная теория Бахтина, в отличие от лотмановской теории «кода», не послужила основанием для особого научного направления. В современном литературоведении доминирует лотмановский (семиотический) подход, но следует подчеркнуть, что взгляд на проблему метатекста и с позиций Бахтина не менее важен и продуктивен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Следовательно, – писала Вежбицкая, – в сознании слушающего возникает двухголосный текст. Не диалог, а двухголосье: воссоздаваемая («понимаемая») последовательность предложений отправителя и собственный комментарий. Представляет ли это один связный текст? Разумеется, нет. Это не текст, а двутекст». – Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 403.

- 2 Там же. С. 406.
- 3 Там же. С. 421.
- 4 Андрющенко Т.Я. Метатекст и его роль в интерпретации текста // Проблемы организации речевого общения. М., 1981. С. 130.
- 5 Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. С. 277.
- 6 Рябцева Н. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 90.
- 7 Шаймиев В.А. Метатекст и некоторые его признаки // Лингвистический семинар. Вып. 1. Язык как многомерное явление. Межвуз. сб. науч. тр. СПб., Бирск, 1996. С. 83. См. также: Он же. Композиционно-синтаксический аспект функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. 1996. № 4. С. 80-92.
- 8 См. об этом, напр.: Шаймиев В.А. Метатекст и некоторые его признаки. С. 80.
- 9 Вежбицкая. Метатекст в тексте. С. 421.
- 10 Там же. С. 404.
- 11 Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 567. Труды по знаковым системам. XIV. Текст в тексте (далее ТЗС-14). Тарту, 1981. С. 13.
- 12 Там же.
- 13 Иванов Вяч. Вс. Фильм в фильме // ТЗС-14. С. 21.
- 14 Он же. Функция и категории языка кино / Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 365. 1975. Т. 7. С. 171.
- 15 См.: А. Popovič, *Problémy literárney metakomunikácie. Teória metatextu* (Nitra, 1975), p. 1.
- 16 Тороп П.Х. Проблема интекста // ТЗС-14. С. 39. Необходимо отметить, что П. Тороп делит авторские метатексты на: 1) автометатексты, 2) цитирования другого автора и 3) квазиметатексты. Иначе говоря, в термин «метатекст» он включает и понятие «интекст» (Там же. С. 37). К тому же он использует термин «интекст» как «семантически насыщенную часть текста, смысл и функция которой определяется по крайней мере двойным описанием (в этом смысле он двутекст)» (Там же. С. 39). Судя по этим высказываниям, можно констатировать, что П. Тороп более сосредоточен на «интертекстуальности».
- 17 Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 373.
- 18 Ф. Шлегель пишет: «Эта поэзия должна объединить в одну поэтическую теорию творческой способности те трансцендентальные материалы и предварительные опыты, которые встречаются у современных поэтов, ту рефлексия художника и то прекрасное самоотражение, которые есть у Пиндара, в лирических фрагментах греков и в древней элегии, среди новых же поэтов – у Гёте, и в каждом из своих изображений она должна изображать самое себя и быть повсюду поэзией и одновременно поэзией поэзии». – Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х тт. Т. 1. М., 1983. С. 301-302. См. об этом: Искракова Ф.Х. Теория «поэзии поэзии» и формы ее проявления в лирике (Рукопись).
- 19 Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Он же. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. С. 123.
- 20 Armin P. Frank, "Theorie im Gedicht und Theorie als Gedicht," *Literaturwissenschaft zwischen Extremen: Aufsätze und Ansätze zu aktuellen Fragen einer unsicher gemachten Disziplin* (Berlin, New York, 1977), pp. 131-169.
- 21 Eva Müller-Zettelmann, *Lyrik und Metalyrik. Theorie einer Gattung und einer Selbstbeziehung anhand von Beispielen aus der englisch- und deutschsprachigen Dichtkunst* (Heidelberg, 2000), p. 170.
- 22 Ibid.
- 23 Ibid.
- 24 Тименчик Р.Д. Текст в тексте у акмеистов // ТЗС-14. С. 65.
- 25 Там же. С. 65-66.
- 26 Он же. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1975. № 10/11. С. 213.
- 27 Там же. С. 219.
- 28 Цивьян Т.В. О метапоэтическом в «Поэме без героя» // Лотмановский сборник. М., 1995. С. 611.
- 29 Там же.
- 30 Лотман. Текст в тексте. С. 5-6.
- 31 Благодаря этому, возникает сложная структурная игра «между различными уровнями повествования: от уровня, при котором рассказывание настолько слито с предметом, о котором повествуется, что делается полностью нейтральным, незаметным, как бы прозрачным, до уровня, на котором само рассказывание становится объектом повествования и приобретает полную автономность и осознанность». – Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста (1975) // Он же. Пушкин. СПб., 2003. С. 417.
- 32 Там же. С. 434.
- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 444.
- 35 Там же. С. 436.
- 36 Там же. С. 452.
- 37 Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотикой системы // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 463. Труды по знаковым системам. Х. Семиотика культуры. Тарту, 1978. С. 26.

- 38 *Он же*. Роман в стихах Пушкина. С. 454.
- 39 Волошинов В.Н. [Бахтин М.М.] Марксизм и философия языка. М., 1993. С. 125. Можно предположить, что это определение ближе к понятию «фильм в фильме» Вяч. Вс. Иванова, чем «текст в тексте» Ю. Лотмана.
- 40 Бахтин М.М. Из предистории романного слова // *Он же*. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 355.
- 41 Там же. С. 354-355.
- 42 Там же. С. 356.
- 43 Там же.
- 44 «Автор изображает этот язык, беседуя с ним, беседа входит вовнутрь образа языка, диалогизует этот образ изнутри, – продолжает Бахтин. – И таковы все существенные романские образы: это внутренне-диалогизованные образы – чужих языков, стилей, мировоззрений (неотделимых от конкретного языкового, стилистического воплощения)». – Там же. С. 358.
- 45 Там же. С. 359.
- 46 Лотман. Пушкин. С. 434.
- 47 Бахтин. Из предистории. С. 361.
- 48 *Он же*. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 460.
- 49 Там же. С. 108.
- 50 Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // *Он же*. О языке художественной литературы. М., 1991. С. 30.
- 51 Там же. С. 27.
- 52 Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. С. 108.
- 53 Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 18. Труды по знаковым системам. II. Тарту, 1965. С. 26.
- 54 Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 327.
- 55 Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6. М., 2002. С. 394.
- 56 Бахтин М.М. Из записей 1970-1971 годов // *Он же*. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.
- 57 Егоров Б. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М., 1999. С. 248.
- 58 «Мое отношение к структурализму. Против замыкания в текст. Механические категории: «оппозиция», «смена кодов» (многостильность «Евгения Онегина» в истолковании Лотмана и в моем истолковании). Последовательная формализация и деперсонализация: все отношения носят логический (в широком смысле слова) характер. Я же во всем слышу голоса и диалогические отношения между ними. Принцип дополнительности я также воспринимаю диалогически. Высокие оценки структурализма. Проблема «точности» и «глубины». Глубина проникновения в объект (вещный) и глубина проникновения в субъект (персонализм). В структурализме только один субъект – субъект самого исследователя. Вещи превращаются в понятия (разной степени абстракции); субъект никогда не может стать понятием (он сам говорит и отвечает). Смысл персоналистичен; в нем всегда есть вопрос, обращение и предвосхищение ответа, в нем всегда двое (как диалогической минимум). Это персонализм не психологический, но смысловой. Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее). Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога». – Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // *Он же*. Эстетика словесного творчества. С. 372-373.
- 59 На этот счет существует два противоположных мнения. С одной стороны, считается, что М. Бахтин оказал существенное влияние на советскую семиотику. Например, Д.М. Сегал, говоря о влиянии Бахтина, утверждает, что его взгляды имели важное значение для московско-тартуской школы. Л. Матейка также высоко оценивает книгу «Марксизм и философия языка» и называет ее «первым существенным русским вкладом в семиотику». С другой стороны, некоторые исследователи отрицают факт такого влияния. И.Р. Титуник утверждает, что «советские семиотики сделали определенные заключения о языке..., которые расходятся с бахтинскими теориями и вряд ли могут быть выведены из них». Он пишет, что ученые московско-тартуской школы избрали «абстрактную концепцию языка, против которой были выдвинуты резкие возражения в ранних работах бахтинской школы». А. Рейд также отрицает бахтинское влияние на современную семиотику. Подробнее об этом см.: Иванов Вяч. Вс. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 308. Труды по знаковым системам. VI. Семиотика. Тарту, 1973. С. 5-44; D. Segal, *Aspects of Structuralism in Soviet Philology* (Tel Aviv, 1974), p. 120; L. Matejka, "On the First Russian Prolegomena to Semiotics," *Vološinov* (1973), pp. 161-174; I.R. Titunik, "M.M. Baxtin (The Baxtin School) and Soviet Semiotics,"

- Dispositio 1 (1976), pp. 327-338; A. Reid, "The Moscow-Tartu School on Bakhtin," *S.-European Journal for Semiotic Studies* 3:1-2 (1991), pp. 111-126. Оба этих мнения односторонни. М. Бахтин, безусловно, оказал влияние на семиотиков, но они сохранили «механистичность» мышления, унаследованную от русской формальной школы.
- 60 Лотман Ю.М. Чужая речь в «Евгении Онегине» // *Он же*. Пушкин. СПб., 2003. С. 411.
- 61 Там же. С. 412.
- 62 Там же. С. 449.
- 63 Бахтин. Собр. соч. Т. 6. С. 612.
- 64 Ju. Lotman, "Bachtin – sein Erbe und aktuelle Probleme der Semiotik," *Roman und Gesellschaft. Internationales Michail Bachtin. Colloquium* (Jena: Friedrich-Schiller-Universität, 1984), pp. 32-40.
- 65 Об этом пишет и Б. Егоров. – См.: *Егоров*. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. С. 246.
- 66 Ju. Lotman, "Bachtin – sein Erbe," p. 38.
- 67 Егоров. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. С. 246-247.
- 68 На это же указывается в рецензии В.С. Вахрушева на книгу Лотмана «Внутри мыслящих миров», в которой отмечено, что Лотман «часто заходит на «бахтинскую территорию», когда рассуждает о Достоевском, а также говорится о «неточном» слове писателя, о «сложном многоголосии гетерогенных языков культуры», о дискретности как «законе всех диалогических систем». – Вахрушев В.С. «Само чтение» есть «неизбежно творческий акт» // Вопросы литературы. 1998. № 6. С. 344.
- 69 Бахтин. Собр. соч. Т. 6. С. 395.
- 70 Там же. С. 615.
- 71 Там же. С. 626.
- 72 Там же. С. 616.
- 73 Там же. С. 626.
- 74 Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // *Он же*. Литературно-критические статьи. С. 473.
- 75 «Но этот диалогический угол как раз и не может быть установлен с помощью чисто лингвистических критериев, потому что диалогические отношения хотя и относятся к области слова, но не к области чисто лингвистического его изучения». – Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. С. 311.
- 76 «При нарочитой (сознательной) многостильности между стилями всегда существуют диалогические отношения. Нельзя понимать эти взаимоотношения чисто лингвистически (или даже механически). Чисто лингвистическое (притом чисто дескриптивное) описание и определение разных стилей в пределах одного произведения не может раскрыть их смысловых (в том числе и художественных) взаимоотношений». – Бахтин. Проблема текст в лингвистике. С. 290-291.
- И в другом месте: «Чисто лингвистическое отношение (то есть предмет лингвистики) – это отношение знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста (то есть системные или линейные отношения между знаками). Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т.п., никогда ни могут стать предметом лингвистики». – Там же. С. 302-303.
- 77 Он же. Проблемы поэтики Достоевского. С. 345. В другом месте металингвистика определяется им следующим образом: «Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к металингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании. Металингвистический характер высказывания (речевого произведения)». – Он же. Эстетика словесного творчества. С. 293.
- 78 «Лингвистика и металингвистика изучают одно и то же конкретное, очень сложное и многогранное явление – слово, но изучают его с разных сторон и под разными углами зрения. Они должны дополнять друг друга, но не смешиваться. На практике же границы между ними очень часто нарушаются». – Он же. Проблема поэтики Достоевского. С. 310.
- 79 Там же. С. 311. Многие исследователи (Ц. Тодоров, Ю. Кристева и др.) вместо бахтинского термина «металингвистика» предлагают использовать термин «транслингвистика». Так, например, Вяч. Вс. Иванов пишет, что «следует предпочесть термин «транслингвистика», введенный Р. Бартом для обозначения научной дисциплины, изучающей структуру текстов, больших, чем предложение» (ТСЗ-2. Тарту, 1965, С. 28). С их точки зрения, это – слабо, но все-таки проявленная обеими сторонами своеобразная терминологическая «экспансия». Она не удовлетворила самого Бахтина, и «в дальнейшем М. Бахтин практически не будет пользоваться этим термином в таком значении. Да и сам термин «металингвистика» – возможно, именно из-за неудобных ассоциаций – станет в бахтинских записях конца 60-х – начала 70-х гг. заметно менее активным». – Бахтин. Собр. соч. Т. 6. С. 616-617.
- 80 Одной из крайностей подобного подхода является понимание метатекста, существую-

ющее в постмодернизме. Постмодернизм претендует даже на само введение этого термина (фр. *metarecit*, англ. *metanarrative*). Эта линия была начата Ж.-Ф. Леотаром и продолжена И. Хассаном, Ф. Джеймоном и др. Они понимают под метатекстом (или метарассказом, метаповествованием, метасторией, метадискурсом, великим (доминантным) повествованием, доминантным кодом) сложившиеся и априорно принятые «объяснительные системы», или «системы ценностей», которые организуют культуру и выражены вербально (Леотар). Если

модернисты стремились к созданию такого рода объяснительных систем-метатекстов (в частности, для обоснования искусства как автономной области, противостоящей хаосу), то постмодернисты видят в существовании метатекстов едва ли не главное зло и отвергают «все метаповествования, все системы объяснения мира». Очевидно, с точки зрения постмодернизма, первая задача «освобождения» от этого объясняющего метатекста – выявление и деконструкция «доминантного кода» писателя.